

Навел Уваров

ВКУС ЗЕМЛЯНИКИ

Молодость, любовь и
незавершенная история

Павел Уваров

Вкус земляники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72811397

SelfPub; 2025

Аннотация

Это была не просто летняя практика. Для дотошного энтомолога Павла это должен был быть последний шаг в выверенной, как чертёж, жизни. Для Лены – рыжеволосой студентки с опасной красотой и ранимой душой – последний шанс на свободу перед уготованной ей судьбой в Киеве.

Их столкновение было неизбежным, как гроза над Томью. С первого взгляда, с первого поцелуя, в котором был вкус спелой земляники, их миры перевернулись.

Их любовь достигла своей чистой и трагической кульминации в прощальную ночь, где страсть уступила место жертвенной нежности. Но история на этом не закончилась. Разделённые тысячами километров и железным занавесом советской реальности, они пронесли своё лето через годы тоски, отчаяния и новой, чужой жизни. Это повесть о любви как о самой большой аванюре. О том, как одно лето может стать сильнее всей оставшейся жизни. И о том, что некоторые раны – это не шрамы, а вечные проводники в ту самую, реальность, где сосны по-прежнему шумят, а на губах – вечный вкус земляники.

Содержание

География души	48
Язык стрекоз	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Павел Уваров

Вкус земляники

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед вами – повествование, основанное на реальных событиях. Вы держите в руках не рукопись. Вы держите исповедь.

Лето 1979 года. Берег сибирской реки. Студенческий лагерь, палатки, костры и двое. С виду – обычная летняя практика. На деле – точка невозврата.

Здесь, среди шепота сосен и древних скал, хранящих рисунки исчезнувших цивилизаций, начинается то, что не поддается объяснению. Здесь стирается грань между прошлым и настоящим.

Эта книга пахнет дождем, хвоей и речной водой. Но прежде всего – она имеет вкус земляники. Той самой, собранной на залитой солнцем поляне, когда ягоды тают во рту, оставляя сладость на губах, которая смешивается с горечью осознания, что это лето когда-нибудь закончится.

На первый взгляд, это еще одна история любви. О том, как она зарождается, крепнет, взрослеет, становится всепоглощающей... и умирает. Или её убивают. А потом – о её невероятном, призрачном возрождении из небытия.

Но эта книга не совсем о главных героях. Сюжет – лишь

холст. Главными героями здесь становятся чувства. И главное из них – любовь. Та самая, что приходит однажды, сбивает с ног, диктует свои правила и навсегда меняет тебя, даже если сама она остаётся в прошлом. И вот здесь в этой истории нет ни одного слова вымысла.

Именно поэтому я хочу, чтобы читатель узнал, что существуют настоящие, светлые и чистые чувства. Существует любовь, которая рождается не от скуки или расчёта, а от встречи двух родных душ. Любовь, в которой есть место и трепету первого прикосновения, и смелости настоящих поступков, и горькой, но благородной жертве ради другого человека. Такая любовь – не миф. Она реальна. И она – именно то, что важно помнить и ценить сегодня.

Эта повесть для тех, кто стоит на пороге взрослой жизни, кто верит или только хочет поверить в то, что главное в отношениях – не физиология, а та самая, неуловимая и вечная душевная связь. Связь, которую не способно разорвать ни время, ни расстояние.

Переверните страницу. И пусть лето, полное соснового ветра и вкуса земляники, останется с вами. Как доказательство. Как напоминание.

Мы были как берег, что помнит прилив —
И соль на губах, и песок, и отливы.
Нас время, как воду, сквозь пальцы разлило,
Оставив узор из ракушек и снов.

Ты стала тем летом, коротким, как крик,
Как вспышка зарницы во тьме пред грозой.
Мы вечность вдыхали с дыханьем зари,
И падали звёзды, меж мной и тобою.

А после — лишь эти слова на песке.
И ветер. И память, что точит граниты.
Но если прислушаться — в шуме сосны
Всё так же звучит этот шепот "поближе..."

И я возвращаюсь туда не во сне —
Я знаю дорогу на ощупь, вслепую.
Где двое всё так же сидят на песке,
Целуются, веря, что это навечно.

И это — навечно. Пусть даже не вместе.
Пусть это лишь эхо, что бродит меж сосен.
Зато как серьезно все было и честно,

Навел Уваров

Как вкус земляники и губы напротив.

Вкус земляники

Молодость, любовь и незавершенная история

*Елене Гурвиц, моей милой,
единственной, самой светлой
и самой прекрасной любви*

Предчувствие

Иногда, в редкие минуты полной тишины, я снова ощущаю то странное состояние, что жило во мне всё то далёкое лето. Не просто уверенность, а какое-то физическое чувство, будто я – стрела, выпущенная из тугого лука, и моя траектория предопределена раз и навсегда. Я заканчивал университет, моя работа о насекомых, точащих древесину, сулила успех, и весь мир лежал передо мной как огромная, прекрасно систематизированная коллекция. Любовь в ней значилась как нечто красивое, но абсолютно бесполезное – вроде резного глобуса в бархатном чехле, который только пылится на полке.

Поездка в Подъяково была для меня логичным шагом, очередной главой в стройном плане жизни. Помню, как стоял на носу катера, вглядывался в уходящую за горизонт ленту реки и думал, что плыву не просто к сосновому бору, а навстречу собственной судьбе. Воздух был густой, влажный, бил в лицо, пах водорослями, ивняком и едва уловимой горчинкой – наверное, дымом от далёких палов. Солнце, разбиваясь о воду, слепило так, что я зажмуривался, пытаюсь удержать внутри это ослепительное сияние, этот миг полной и безоговорочной свободы.

Лагерь встретил нас звенящей, давящей тишиной, в которой лишь шелестели вершины сосен. Я нарочно поставил палатку поодаль от всех, боясь потерять драгоценное уедине-

ние. Первые два дня прошли в блаженном забытии: наблюдения, записи, вечерние выходы к обрыву над Томью. Я подолгу стоял и смотрел, как вода, окрашенная закатом, лениво катит свои прохладные волны. Я был счастлив – тем ровным, разумным счастьем, которое не требует подтверждения.

Всё пошло наперекосяк на третье утро, во время построения.

Наш вечно озабоченный руководитель Юрий Иванович зачитывал списки. Я слушал вполуха, разглядывая муравья, который тащил через песок сухую хвоинку, словно весь смысл его существования был заключён в этой хвоинке. И вдруг мой взгляд, скользя по шеренге студентов, наткнулся на неё.

Она стояла чуть в стороне, под разлапистой старой сосной, и луч солнца, пробившись сквозь хвою, зажигал в её волосах медные и огненные искры. Это было не просто «рыжее» – это было пламя. Я не успел разглядеть черты – меня пронзило выражение её лица. Детская беззащитность в овале щёк и одновременно – насмешливый, почти дерзкий ум в светлых, почти прозрачных глазах. На ней было простое парусиновое платье, но сидело оно на ней с такой небрежной грацией, что все остальные девушки в своих практичных кофтах вдруг показались мне неуклюжими куколками.

Кто-то шепнул, что её зовут Елена, что она с первого курса. В её осанке, в гордой посадке головы чувствовалась та самая «еврейская острота», о которой я где-то слышал – та,

что придаёт красоте опасный, волнующий оттенок.

Я старался не смотреть в её сторону, делая вид, что с головой ушёл в изучение узоров на сосновой коре. Но какая-то тёмная, незнакомая сила снова и снова заставляла мой взгляд возвращаться к ней. Она же, казалось, не замечала меня вовсе. О чём-то смеялась с подругой, и её смех – звонкий, с лёгкой хрипотцой – резал тишину, как осколок стекла. Этот смех почему-то смутил и обрадовал меня одновременно.

Именно тогда во мне началась та тихая смута, которую я поначалу принял за досаду – мол, отняли у меня моё уединение. Вечером я не смог заставить себя работать. Перед глазами стояло её лицо, а в ушах звучал тот самый звонкий смех. Я вышел из палатки и

брёл по тропинке к реке. Ночь была тёплой, звёздной. Где-то за рекой заливался соловей, и его страстная, безумная трель, казалось, заполняла собой всё небо. Воздух был густ и приторно сладок от цветущей черёмухи. Вся природа дышала одним огромным, трепетным чувством – любовью, томлением, ожиданием. А я, двадцатилетний юнец, впервые в жизни почувствовал себя до слёз, до боли одиноким в этом праздничном и чуждом мне мире.

Как же я отчаянно сопротивлялся! Убеждал себя, что это – лишь мимолётное увлечение, игра воображения, воспалённого одиночеством. Я и не подозревал, что судьба уже настигла меня, и что любое бегство – совершенно тщетно.

А потом был вечер, когда она подошла ко мне сама. Я сидел на берегу и с маниакальным упорством препарировал найденного жука-усача, пытаюсь вернуть себе душевное равновесие с помощью привычного ритуала.

– Павел? – раздался надо мной её голос.

Я вздрогнул так, что чуть не уронил пинцет в воду, и поднял глаза. Она стояла передо мной, залитая закатом, и в складках её легкого платья, казалось, застряли последние лучи уходящего дня.

– Мне сказали, вы здесь главный знаток жуков, – улыбнулась она, и в уголках её губ появились те самые весёлые, предательские ямочки. – А я как раз нашла в траве какого-то удивительного... Не хотите взглянуть?

Я что-то невнятно пробормотал, чувствуя, как уши мои

наливаются жаром. Она присела рядом на корточки, и до меня донесся её запах – не духи, а что-то свежее и горьковатое, вроде полыни после дождя или разломанного стебля. Я смотрел на её склонённую голову, на длинные ресницы, на тонкие пальцы, и с ужасом и восторгом понимал, что гибну. И гибель эта была настолько сладостной, что не было сил ей противиться.

Так начались наши странные встречи, полные невысказанного напряжения. Она находила повод подойти каждый день – то цветок необычный, то вопрос о гербарии. А я, всё больше запутываясь в невидимых сетях, с каждым часом чувствовал, как тает моя прежняя уверенность, уступая место чему-то новому, трепетному и пугающему.

И вот настал вечер, когда всё случилось. Мы возвращались с берега. Шли молча, и это молчание было громче любых слов. Вдруг она остановилась на опушке, где последний свет солнца зажигал в её волосах багряный венец.

– Павел, – тихо сказала она, оборачиваясь.

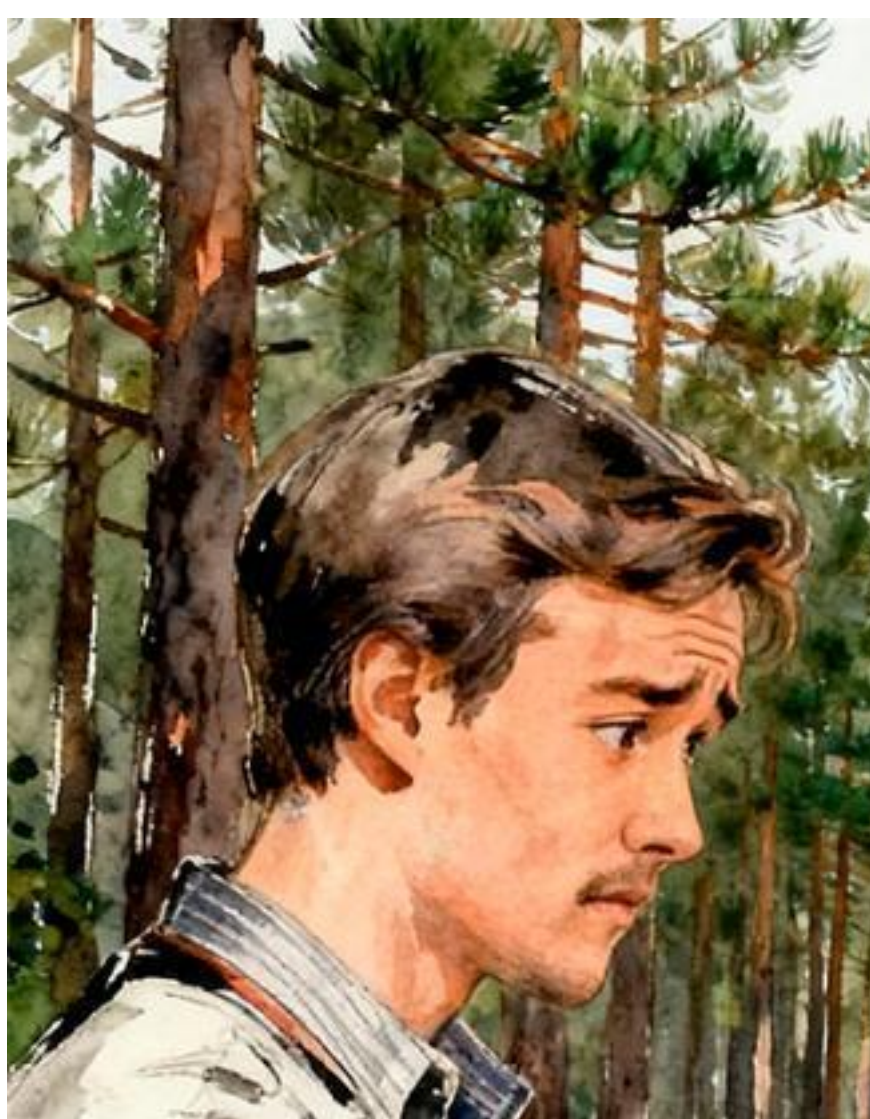
Я замер, не в силах вымолвить ни звука. Она сделала шаг ко мне. Потом ещё один. Её лицо было так близко, что я видел, как вздрагивают её ноздри, а в глазах пляшут те самые «опасные» огоньки.

– Я так долго ждала, – прошептала она.

И потом... Потом случилось то, что навсегда разделило мою жизнь на «до» и «после». Она стремительно, с какой-то отчаянной смелостью, прильнула ко мне губами.

Мир рухнул. Не стало ни леса, ни неба, ни прошлого, ни будущего. Была только она – тёплое дыхание, шелковистая кожа щеки под моей ладонью и вкус её губ – вкус спелой земляники и чего-то неуловимого, что навсегда осталось для меня вкусом первой любви.

Когда мы оторвались друг от друга, она, не говоря ни слова, только улыбнулась своей загадочной улыбкой и растворилась между сосен. А я остался стоять, прислонившись

к шершавой коре, и слушал, как бешено колотится сердце, отбивая ритм новой, незнакомой жизни.

Над головой тихо шумела сосна, соловей за рекой не умолкал, и вся природа, казалось, ликовала и торжествовала вместе со мной. Я был пьян – пьян без вина. Я был слеп и бесконечно счастлив. О, мы не знаем в двадцать лет, какой ценой оплачиваются эти мгновения!

Танец в летнюю грозу

После того поцелуя я перестал быть собой. Всё во мне смешалось – восторг, паника, ощущение, что я украл что-то запретное и прекрасное. Я жил как шпион на вражеской территории, где каждое случайное слово, каждый взгляд могли меня выдать. Мы изобрели свой шифр: прикосновение к руке при передаче пробирки, её смех, брошенный через голову другим девчонкам, специально для меня. Это было похоже на разжигание костра в сыром лесу: одна искра, вторая, и вот уже внутри разгорается пламя, которое не спрячешь.

Судьба, казалось, играла на нашей стороне. Через несколько дней небо над лагерем потемнело, налетел шквал, и с дальних холмов донёсся первый, похожий на взрыв, раскат грома. Начался ливень. Мы, как сумасшедшие, бросились к большому бревенчатому барaku-столовой.

Внутри пахло мокрой парусиной и прелыми досками. Кто-то, чтобы заглушить грохот стихии, включил старенький магнитофон. Из него поползла знакомая, сладкая мелодия. Сначала все стояли по углам, но потом несколько пар, стес-

няясь и смеясь, вышли в центр.

И тут я увидел её. Она стояла у окна, смотрела, как потоки воды с яростью бьют в стекло. Очередная вспышка молнии осветила её – и на секунду она показалась мне призраком. Простая ситцевая блузка прилипла к плечам, юбка, тяжелая от влаги, облежала бёдра. В этой простой мокрой одежде она была прекрасней, чем любая женщина в вечернем платье.

Я уже сделал шаг к ней, как вдруг почувствовал тяжёлую ладонь на своём плече.

– Паш, а Паш! – раздался у меня над ухом густой бас. Это был Виктор, аспирант с нашего факультета, дюжий парень с вечно насмешливыми глазами. – Куда это ты, энтомолог, направился? Бабочку новую присмотрел?

Он обвёл Лену оценивающим взглядом, и мне захотелось ударить его.

– Рыженькая ничего, – усмехнулся он, понизив голос. – Говорят, шустрая. Только смотри, не обожгись. Такие обычно не для серьёзных отношений.

Я что-то буркнул и, отстранив его, пошёл к Лене, чувствуя, как закипаю. Я не помню, что сказал. Просто моя рука сама легла на её талию.

– Лена... Потанцуем?

Она обернулась. В её глазах не было ни удивления, ни иг-

ры – лишь глубокая, спокойная уверенность. Она молча положила руку мне на плечо.

И мы закружились. Под звуки этой дурацкой музыки, в полумраке, озаряемом вспышками молний. Я держал её, чувствуя каждый изгиб её тела. Её груди иногда, на повороте, едва касались моей груди, и от этого прикосновения по спине пробегали искры. Мы не говорили ни слова. Мы просто танцевали. Она прижалась ко мне чуть ближе, и её губы оказались так близко к моей шее, что я чувствовал на коже её тёплое дыхание.

– Я ни за что не позволила бы это другому, – прошептала она так тихо, что я скорее угадал, чем услышал. – Только тебе, Паша. Понимаешь?

Эти слова, прорвавшиеся сквозь шум грозы, ударили меня сильнее грома. Я увидел, как через её плечо на нас смотрит Виктор. Он стоял, прислонившись к косяку, с бутылкой кваса в руке, и ухмылялся. И почему-то именно в этот миг её слова показались мне не только счастьем, но и ловушкой.

Танец закончился. Мы стояли, не отпуская друг друга, прислушиваясь к затихающему дождю.

– Пошли, – сказала она, и её пальцы сплелись с моими.

Мы вышли на крыльцо. Воздух был свеж и пьянящ. Она подняла на меня глаза, и в них я прочёл чистое, безоружное желание.

– Сегодня, – прошептала она. – После отбоя. У старого паромы, на той стороне залива. Ты знаешь место?

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Сердце колотилось где-то в горле.

– Только никому, – она положила палец мне на губы. Её глаза стали серьёзными, почти суровыми. – И приходи один. Это важно.

Она повернулась и скрылась внутри барака, оставив меня одного под нависающим козырьком. Я стоял и смотрел ей вслед, чувствуя, как восторг смешивается с холодной тре-

вогой. Слова Виктора, её внезапная серьёзность, это таинственное место... Что-то было не так. Что-то, чего я не понимал. Но отступить было уже поздно. Я был пойман.

У парома

Отбой прозвучал, как приговор. Я лежал в своей палатке, вглядывался в потолок и слушал, как затихают голоса. Каждые пять минут я сверялся с часами с циферблатом, светящимся жутковатым зелёным светом. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди и бежать к заливу без меня.

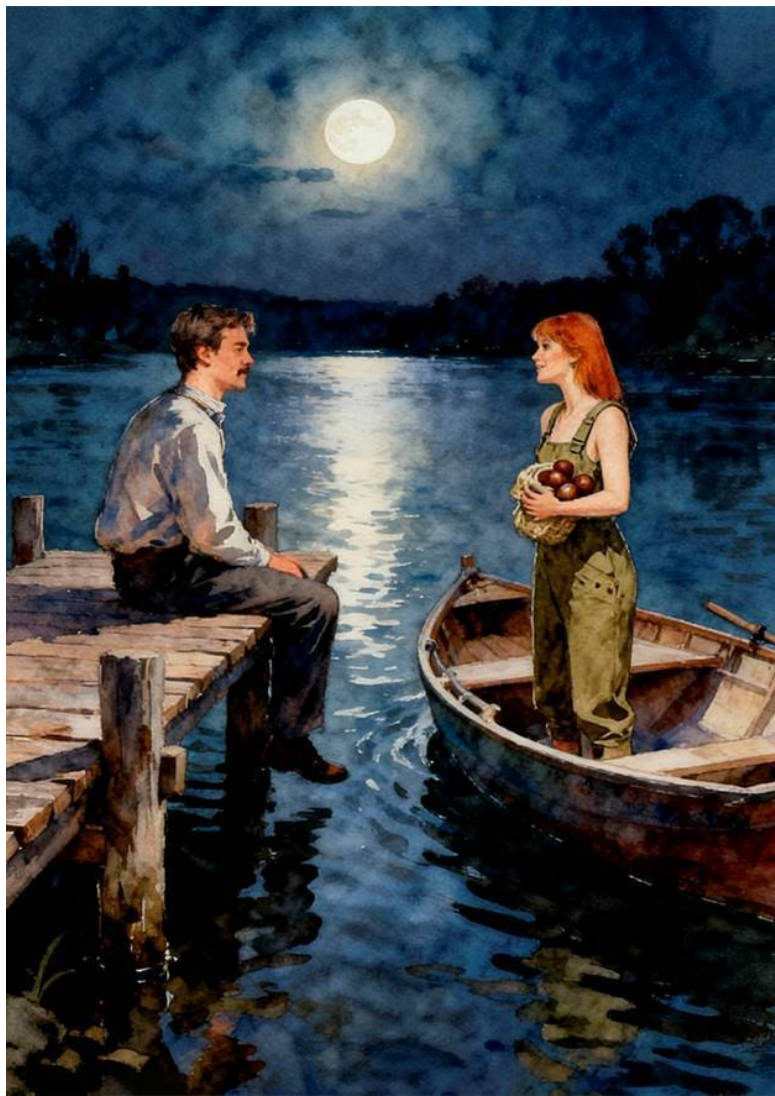
Мысль не отступала: а что, если это ловушка? Может, Виктор и его компания решили надо мной подшутить? Или она сама... что она задумала? Эта таинственность, этот шепот – всё это было не в её стиле. Та Лена, которую я знал, была прямой и насмешливой. А эта – была словно другая.

Когда в лагере воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь храпом соседа по палатке, я выбрался наружу. Небо прояснилось, и луна, круглая и самодовольная, заливала поляну холодным светом. Каждая тень казалась подстерегающим опасностью. Я крался, как вор, прижимаясь к стволам деревьев, и чувствовал себя абсолютным безумцем.

Старый, полузатопленный паром действительно был на том берегу залива, в получасе ходьбы от лагеря. Добираться до него нужно было по шаткому мостку из скользких брёвен. Место было гиблое, глухое, и мы, старшекурсники, иногда тайком приезжали сюда выпить портвейна, пока первокурс-

ники слушали лекции у костра.

Паром был пуст. Я присел на ржавый кнехт, дрожа от ночной прохлады и нервного напряжения. Прошло десять минут. Пятнадцать. Я уже почти уверился, что меня просто жестоко разыграли, как услышал тихий всплеск вёсел.

Из-за поворота, из тени ив, показалась лодка. В ней была она. Она гребла одной рукой, неуклюже, но уверенно, а другой прижимала к груди свёрток. Лодка с глухим стуком ударилась о борт парома.

– Садись, – сказала она, не улыбаясь. – Только тихо.

Я перешагнул в лодку, и она снова оттолкнулась от парома. Мы заскользили по чёрной, как чернила, воде. Она молчала, и я боялся нарушить это молчание. Мы причалили к крошечному, не больше комнаты, песчаному пляжу, скрытому свисающими ветвями. Там, за стеной тростника, она развела небольшой костёр.

Только тогда она на меня посмотрела.

– Ты пришёл, – в её голосе прозвучало странное облегчение. – Я боялась, что не придёшь.

– Я тоже боялся, – признался я.

Она усмехнулась, но как-то устало. При лунном свете её лицо казалось бледным, а веснушки – почти чёрными точками.

– Виктор тебя предупредил, да? – спросила она вдруг, разворачивая свёрток. Там оказался хлеб и несколько яблок. – Про то, какая я шустрая и не для серьёзных отношений.

Я онемел. Как она могла знать?

– Не смотри так, я видела, как он к тебе подходил. Я всё вижу. – Она отломил кусок хлеба и протянула мне. – Он не первый. И ты, наверное, не последний, кто это слышит.

Она говорила спокойно, но в её спокойствии была сталь.

– Мой отец... он отсюда, из этих мест. Я родилась в Черновцах. Он ушел, когда мне было пять. Мама одна подняла меня. А я каждое лето приезжаю сюда, к бабушке. В прошлом году поступила здесь в университет, А сейчас я должна перевестись в Черновцы к маме. Я всем тут чужая, Паша. И поэтому про меня можно говорить что угодно.

Она посмотрела на меня, и в её глазах плясали отражения костра.

– Я просто живу. Так, как хочу. И если я хочу быть с тобой... то это только моё и твоё дело. Ничье больше.

Вот оно. Разгадка её таинственности. Это была не игра, а вынужденная осторожность. Защита. Её слова сняли камень с души, но на его место легла тяжесть – ответственность.

– А почему именно я? – спросил я, и голос мой снова предательски дрогнул.

Она помолчала, бросая в огонь щепочку.

– Потому что ты смотрел на мои волосы, а не на грудь. Потому что, когда ты говоришь о своих жуках, у тебя горят глаза. И потому что... – она запнулась, – потому что ты тоже какой-то не такой. Не как все эти Викторы. Ты как будто из другого теста сделан.

Она перевела дух.

– И я хочу, чтобы мы могли просто быть. Хотя бы здесь. Хотя бы в эту одну ночь. Без чужих глаз. Без их оценок. Ты

согласен?

Я не ответил. Я подошёл к ней, опустился на колени в прохладный песок и прижался лбом к её коленям. Это был жест полной капитуляции, доверия и чего-то такого, что было гораздо больше, чем просто влечение. Она вздрогнула, затем её пальцы мягко вплелись в мои волосы.

Мы просидели так, может, минуту, может, час. Потом костёр начал гаснуть, и она потянула меня за руку.

– Пойдём, – сказала она, и в её голосе снова зазвучали знакомые нотки – тёплые и насмешливые. – Покажем им всем.

Мы вернулись в лагерь на рассвете, по отдельности, как и договорились. Но когда я шёл к своей палатке, я увидел, как из-за угла столовой выходит Виктор. Он был в том же, в чём и вчера, будто не ложился. Он остановился, посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом, поймал мой взгляд и медленно, преувеличенно улыбнулся. Это была не ухмылка, а нечто другое – понимающее, одобрительное и в то же время предостерегающее.

И я понял, что наша тайна, возможно, не такая уж и тайна. И что игра только начинается. И ставки в ней гораздо выше, чем я мог предположить.

Ботаническая экспедиция для двоих

На следующее утро нас вызвал Юрий Иванович. Его кабинетом была поваленная сосна у края поляны. Он что-то чертил в блокноте, а когда мы подошли, поднял на нас взгляд

поверх стёкол очков.

– Павел, Елена. К северу, в старом распадке, по описанию, должен быть редкий мох. *Porella platyphylla*. – Он выдержал паузу, и мне показалось, что в его глазах мелькнуло что-то понимающее. Или мне это только показалось? – Задание для двоих. На разведку и сбор образцов. Справитесь?

Кровь ударила мне в виски. Это была уже не случайность, а нарочитая, почти демонстративная игра судьбы. Я посмотрел на Лену. На её губах играла та самая улыбка – не победная, а хитрая, знающая какой-то секрет.

– Справимся, – брякнул я слишком громко и быстро.

Через час мы ушли в чащу. Лес за лагерем был другим – не ухоженным и прореженным, а старым и диким. Дышать было труднее, воздух был густым, как бульон, и пахнул гниющим деревом, медвежьей шкурой и чем-то ещё, незнакомым. Мы шли по звериной тропе, и я шёл впереди, ломая паутину о лицо и оглядываясь, чтобы ветка не хлестнула её. Я чувствовал её за спиной – не просто слышал шаги, а ощущал её присутствие физически, как тёплое пятно между лопаток.

Мой мозг раздвоился. Одна его часть сканировала камни и коряги в поисках мха, а другая, животная, с жадностью впитывала её: звук её дыхания, шелест куртки, стук каблука о корень.

Мы вышли к ручью. Мелкому, но с илистым дном.

– Чёрт, – сказала она и, недолго думая, сняла сапоги и

носки.

Я обернулся и застыл. У неё были не просто красивые ноги. Они были безупречными. Узкие, с высоким подъёмом, они казались выточенными из слоновой кости, а капли воды, скатывающиеся с пальцев, сверкали на солнце. Я смотрел, чувствуя, как по телу

ливается тупая, сжимающая горло волна желания. Это было даже не желание, а нечто более первобытное – благоговение и голод одновременно.

– Чего уставился? – улыбнулась она, но я видел, как дрогнул уголок её глаза. Ей нравилось моё внимание. Нравилась её власть.

– Ничего... – пробормотал я. – Просто... У тебя ноги. Очень.

– Идиот, – она рассмеялась, и смех её зазвенел между деревьями. – Не пялься, помоги.

Я подал ей руку. Её пальцы, холодные и мокрые, впились в моё запястье с такой силой, будто она не просто перепрыгивала ручей, а спасалась от потопа. Она прыгнула, и на миг её тело, лёгкое и упругое, прилипло ко мне всем своим изгибом. Я не удержался, притянул её к себе, и под тонкой тканью футболки я почувствовал два твёрдых, отчётливых бугорка. Она не отстранилась. Только выдохнула мне в шею: «Паш...»

В её голосе не было испуга. Было нетерпение. Но я отпустил. Этот лес, старый, как мир, не простил бы нам спешки.

Мы пошли дальше, и теперь напряжение между нами стало осязаемым. Оно висело в воздухе, как запах перед грозой. Мы почти не говорили. Нашли тот самый мох в глубоком распадке, у подножия валуна, поросшего бородами лишайников. Он стелился изумрудным бархатом. Лена, опустив-

шись на колени, стала срезать образцы скальпелем. Я смотрел, как работают её тонкие пальцы, как рыжие пряди падают на щёку, и думал, что никогда ещё ботаника не казалась мне таким откровенным, таким сладострастным действием.

И тут небо провалилось. Хлынул плотный, холодный ливень. Мы юркнули под нависшую каменную плиту, в тесный, пахнущий сыростью грот. Прижались друг к другу, слушая оглушительный стук воды о камень.

И тогда она обернулась. Её лицо было так близко, что я видел капли на кончиках её ресниц, каждую веснушку. В глазах горел тот самый огонь, что сводил меня с ума.

– Я больше не могу, – просто сказала она.

И её поцелуй не был похож на первый, стремительный. Он был медленным, влажным, бездонным. Её язык коснулся моего, и мир не рухнул, а провалился в какую-то тёплую, липкую, сладкую бездну. Я чувствовал вкус её – дождя, слюны и чего-то неуловимого, только её. Мои руки сами поползли по её мокрой спине, ощущая под тканью каждый позвонок.

Она откинула голову, подставив шею, и я, срываясь, стал покрывать её горячую кожу поцелуями, слыша, как её дыхание сбивается на короткие, прерывистые стоны. Моя ладонь сама собой съехала вниз, обняла упругость её ягодицы под промокшей джинсой. Она вскрикнула, но не оттолкнула, а, наоборот, вжалась в меня сильнее, всем телом.

– Я хочу тебя, – прошептал я ей в ухо, чувствуя, как её тело отвечает мне той же дрожью. – Сейчас. Здесь.

– Я знаю, – её дыхание было горячим и тяжёлым. – Я твоя, Паш. Но не здесь...

Она взяла мою руку и прижала её ладонью к своей груди. Сквозь мокрую ткань я ощутил твёрдый, напряжённый сосок. Это было так откровенно, так потрясающе, что у меня подкосились ноги.

– Потерпи немного, – сказала она, целуя меня снова, и в её поцелуе была не только страсть, но и власть. Полная, безраздельная власть надо мной.

Дождь кончился так же внезапно, как начался. Мы выползли из-под камня, ослеплённые солнцем. Мокрые, в грязи, с листьями в волосах. Мы нашли наш мох, но главная находка этого дня была не ботанической.

Мы молча шли обратно, и это молчание было новым – густым, как смола, и трепетным, как оголённый нерв. Точка невозврата была пройдена. Всё, что было до этого, – детские игры. Впереди ждало нечто настоящее. Пугающее. И оттого – невероятно желанное.

Земляничные уста

После того дня в распадке что-то в нас сломалось и собралось заново. Мы перестали быть Пашей и Леной – влюблёнными студентами. Мы стали сообщниками, единственными членами тайного ордена, где ритуалом было каждое прикосновение. Мы жили в сладком, изматывающем бреде, и весь мир – лекции, обеды, построения – казался нарисованным

на картоне.

Именно в этом состоянии, когда кожа помнит каждое прикосновение, а в ушах стоит звон от собственной крови, мы и отправились на той самой лодке к тому самому берегу.

– Павлуша, глянь, вода-то какая! – крикнула Лена, когда я отталкивался от старого, скользкого бревна.

«Павлуша». Она звала меня так только в самые особенные моменты, и от этого старого, почти детского уменьшительного у меня внутри всё сжималось в тугую, болезненный комок. Она сидела на корме, откинув голову, и солнце золотило ту самую шею, что я ещё вчера покрывал поцелуями в сыром гроте. На ней был тот самый лёгкий сарафан, и теперь, зная наизусть каждый изгиб, скрытый под ним, я грёб, охваченный таким жаром, что, казалось, мог вскипятить воду вокруг нас.

Гребля превратилась в наваждение. Каждое движение, каждый скрипящий звук уключин, каждое напряжение в плечах и спине – всё было посвящено ей. Пот заливал глаза, спина горела огнём, но я лишь сильнее впивался пальцами в шершавые рукояти вёсел. Я был её перевозчиком, её Хароном, и мне нужно было преодолеть эту водную гладь, чтобы обрести наш общий, украденный у мира рай.

А она смотрела на меня. Не отрываясь. И в её взгляде я читал странную смесь – восхищение, жалость и то самое знание, что сводило с ума. Я видел, как сжимаются её пальцы, будто она помогает мне грести силой мысли, как она чуть

приоткрывает губы, словно хочет ловить моё дыхание.

– Давай, Паш, сильнее! – крикнула она сквозь ветер, и в её голосе слышался не вызов, а азарт, почти безумие. – Я знаю, ты можешь!

И я греб, чувствуя, как её вера превращает мои мышцы в стальные пружины. Наконец, нос лодки с сухим скрежетом врезался в песок незнакомого берега. Я выпрыгнул в ледяную воду, не чувствуя холода, и вытащил тяжёлую лодку на отмель. Потом, не говоря ни слова, протянул к ней руки. Она доверчиво положила в них свои, и я поднял её – такую лёгкую! – и перенёс на сухой песок, как какую-то драгоценность, которую нельзя осквернить водой. Она висела у меня на шее, смеясь, а её рыжие волосы хлестали меня по лицу, пахнувшие солнцем и ветром.

– Мой силач, – выдохнула она, едва я отпустил её, и её губы на секунду прилипли к моим – быстрые, липкие от ветра.

Этот берег был другим миром. Безлюдным, диким. Воздух гудел от пчёл и пах мёдом и нагретой хвоей.

– Пошли, – сказала она просто, снова взяв меня за руку, и её пальцы сплелись с моими с такой естественностью, будто всегда там и должны были находиться.

Мы углубились в лес, и вскоре она, как русалка, скрылась в зарослях, чтобы через мгновение позвать меня голосом, полным такого торжества, что сердце ёкнуло:

– Павлуша! Иди сюда! Смотри!

Я раздвинул колючие ветки и ахнул. Она стояла на коленях посреди поляны, залитой алым, самоцветным ковром земляники. Сарафан её съехал, обнажив загорелые, в царапинах от травы, икры. Пальцы были уже в красных подтёках. Она была прекрасна, как сама жизнь, дикая и сладкая.

– На, попробуй, – сказала она, протягивая ко мне руку с ягодой, и в её глазах плясали те самые чёртики, что сводили меня с ума.

Я не взял ягоду. Я наклонился и взял её прямо с её ладони губами, коснувшись языком горячей кожи. Вкус взорвался во рту – кисло-сладкий, пьянящий. Но он был ничто по сравнению со вкусом её губ, к которым я прильнул в следующее мгновение. Мы целовались, стоя на коленях среди земляники, под палящим солнцем, и мир сузился до размера этой

поляны.

Но это был не тот поцелуй, что в гроте. В нём не было ни робости, ни борьбы. Он был густым, липким от ягодного сока, откровенно-влажным. Мои руки сами поползли по её спине, впились в её бока, прижимая к себе так, что кости хрустнули. Она ответила мне с той же силой, впиваясь в мои губы, позволяя моим рукам искать и находить. Мы дышали в унисон, и в дыхании этом был хмель ягод, жар солнца и пьянящий, солёный запах её кожи.

– Ленка... родная... – бормотал я, покрывая поцелуями её лицо, шею, вдаивку между ключицами, срывая с её губ короткие, прерывистые стоны.

– Я твоя, Паш, вся твоя... – шептала она в ответ, и её руки с такой силой впились в мои волосы, что было больно.

Мы рухнули на мягкий, пружинящий ковёр из травы и листьев, и я оказался над ней, заслоняя её от солнца. Её глаза, почти чёрные от расширившихся зрачков, смотрели на меня без страха, с бесконечным доверием и требованием. Я прикоснулся губами к вырезу сарафана, к той тёплой тени между её грудями, и почувствовал, как дико бьётся её сердце. Она вздрогнула всем телом и прижала мою голову к своей груди.

– Хочешь?... – прошептал я, и голос мой был чужим, высушим от желания.

– Хочу... – выдохнула она, и её дыхание обожгло мне ухо. – Но не сейчас... Не здесь, а потом... по-настоящему.

Она снова поцеловала меня, и в этом поцелуе была уже

не только страсть, но и обет. Обещание другой ночи, другой близости – полной, без остатка.

Мы лежали ещё долго, обнявшись, глядя в ослепительно-синее небо и слушая, как наши сердца отстукивают один общий ритм. Мы не говорили о том, что через неделю её поезд

дёт на запад. Мы просто были. И в тот миг мне казалось, что этому лету не будет конца, что вкус земляники на её губах – это и есть вкус вечности.

Мы вернулись в лагерь под вечер, уставшие, пропахшие травой и солнцем, с кружками земляники и с душами, переполненными до краёв. Мы знали, что главное – впереди. И от этой мысли сводило живот от страха и сладкого предвкушения.

Ночь у костра и признание

Лагерь кипел своей жизнью, и наша любовь была лишь одной из многих тайн, витавших в смолистом воздухе. Но для меня, конечно же, самой главной. По вечерам у главного костра, на огромном песчаном вывале, собирались все. Пахло дымом, горелой картошкой и тёплым телом уставших за день людей. Звучали гитары, взрывы смеха, споры – не о науке, а о том, чья очередь тащить воду, и кто видел в лесу медведицу с медвежатами.

Именно здесь я впервые увидел Ленку в её стихии – среди своих. Её подруги – Ира, вечно жующая смолу, Катя, та самая, что смотрела на меня с упрёком, и остроумная Маша – были её щитом и её зеркалом. Они обступали её, и я ловил их взгляды: одобряющие, любопытные, а Катины – словно раненные.

В тот вечер Маша, бренча на гитаре, завела что-то грустное, о далёком море. Огонь костра бросал на лица прыгающие тени, и в их дрожащем свете Ленка казалась неземной.

Она сидела, обхватив колени, подбородком упёршись в них, и смотрела в огонь, а я, сидя с краю, не мог оторвать от неё взгляд. Она чувствовала это – её шея и уши залились румянцем.

Когда песня кончилась, Ира, лукаво скосив на меня глаза, сказала:

– Ну что, герои ботанического фронта, не поделитесь, как вам удалось найти тот мох? Говорят, вы его чуть ли не на ощупь, в полной темноте искали.

Все захихикали. Ленка сделала вид, что поправляет шнурок на кроссовке, но я видел, как вздрогнули её плечи. Потом она подняла на меня взгляд – не смущённый, а какой-то беззащитно-гордый, и у меня внутри всё перевернулось.

– Методика у нас строго научная, – пробурчал я, чувствуя, как горит всё лицо. – С соблюдением всех протоколов.

Позже, когда костёр прогорел до углей и народ пополз по палаткам, Ленка тронула меня за локоть.

– Паш, давай останемся. Ненадолго.

Мы дождались, когда последний фонарик уплывёт в сторону палаточного городка, и ночь, по-настоящему тёмная и густая, накрыла нас с головой. Я развёл маленький костёрчик у кромки леса, не для тепла, а для света – чтобы видеть её. Мы сидели на моём разостланном плаще-палатке, прижавшись плечами, и слушали, как в чаще ухаёт филин, а сверч-

ки в траве стрекочут с таким остервенением, будто хотят перекричать саму тишину.

Небо было чёрным-чёрным, и звёзды не мерцали, а холодно и ясно горели, как иголки. Млечный Путь висел тяжёлой, пыльной полосой. Воздух остыл и пах мятой, которую мы помяли, садясь, и остывающим дымом, и сладковатым гниением где-то в глубине леса.

– Обалдеть, – тихо сказала Ленка, запрокидывая голову. – Как будто мы одни во всей вселенной.

Я смотрел не на звёзды, а на неё. Огонёк золотил её кожу, делал тени под ресницами глубже. Она была так близко, что я чувствовал исходящее от неё тепло.

– Лен... – начал я, и голос сорвался на полуслове.

Она повернулась ко мне, и выражение у неё стало серьёзным, почти строгим.

– Паш, я должна тебе кое-что сказать. Ты, наверное, и так догадываешься.

Она помолчала, глядя куда-то мимо меня, в темноту, и я замер, чувствуя, как что-то тяжёлое и важное надвигается на нас.

– Я заметила тебя ещё весной, – сказала она тихо, но чётко. – На той лекции по энтомологии в главном. Ты стоял у окна и спорил со стариком Калягиным про миграцию бабочек. Ты был такой... яростный. Весь горишь. И я подумала: вот чёрт. Вот он.

Я слушал, ошеломлённый. Я не помнил той лекции. Не помнил, чтобы спорил. Но смутно вспомнил рыжую девчонку в конце зала, которая смотрела на меня не отрываясь.

– А когда я узнала про эту практику... – она криво улыбнулась. – Я вломила в деканат, умоляла, чуть ли не плакала. Ира говорила, что я рехнулась. А я... я просто знала, что должна быть здесь. Рядом. Я влюбилась в тебя, дурак, ещё до того, как мы поздоровались. И я... я бы не позволила нико-

му тебя отнять. Ни Ире, ни Кате... никому.

Её слова не обрушились на меня, а вошли тихо и глубоко, как нож. Это была не просто симпатия, не мимолётный интерес. Это была охота. Она, как упорный естествоиспытатель, выследила меня, подкралась и взяла в свой гербарий. И теперь этот гербарий был моим миром.

Я не нашёл слов. Я просто взял её лицо в ладони – горячее, влекущее – и поцеловал. Это был не поцелуй страсти, а что-то вроде клятвы. Принятия. Понимания.

– Дура, – прошептал я, прикасаясь лбом к её лбу. – А я-то думал, это я такой крутой, сам тебя отбил у всего лагеря.

– Ты и есть крутой, – она фыркнула, и её дыхание смешалось с моим. – Мой лихой идиот.

Мы просидели так до рассвета. Костер давно погас, и нас согревало только тепло наших тел, пробивающееся сквозь тонкие куртки. Мы не говорили о будущем, о том, что через несколько дней её поезд уйдёт. Мы просто молчали. Она уснула под утро, положив голову мне на колени, а я сидел, боясь пошевелиться, и смотрел, как первые лучи солнца пробиваются сквозь пихты и кладут золотые полосы на её спутанные рыжие волосы.

В ту ночь не было ни поцелуев, ни объятий. Но мы отдали друг другу что-то большее. Свои истории. Свои одиночества. И это было страшнее и прекраснее любой близости.

География души

Идею «Дня без границ» наш вечно восторженный Юрий Иванович вычитал в каком-то журнале про педагогику. Суть была проста: весь лагерь делился на четыре команды, каждая получала карту с маршрутом и легенду – будто бы мы не студенты-практиканты, а отряды первопроходцев, ищущие «сокровище знаний» по старым чертежам.

«Сокровищем» оказалась коробка с плиткой шоколада и сборник стихов Вознесенского, но это было неважно. Важно было то, как загорелись глаза у Лены, когда она услышала правила.

Жребий бросил нам удивительную шутку. Мы с Леной оказались в одной команде. А также – Виктор и Катя. Наш отряд получил название «Следопыты» и первую, самую сложную карту. Виктор, назначенный «командиром», мрачно принял её из рук Юрия Ивановича.

– Ну что, энтомолог, – бросил он мне, окидывая взглядом нашу маленькую группу. – Ты у нас по картам специалист. Веди. Только смотри, заплутаем – спрошу строго.

Лена тут же подошла ко мне вплотную, её плечо коснулось моего. Молча. Но это молчание было громче любого возражения. Она встала на мою сторону, даже не сказав ни слова.

– Не заплутаем, – сухо ответил я, разворачивая карту.

Маршрут петлял по самому глухому участку леса, за ре-

чушкой Сосновкой. Нужно было по азимуту найти три контрольных пункта и собрать с каждого часть шифра. Первые полчаса мы шли в напряжённом молчании, нарушаемом лишь моими краткими командами: «Левее, здесь поворот», «Кажется, прошли». Виктор шёл сзади, и я чувствовал его тяжёлый взгляд на затылке. Катя старалась не смотреть в нашу сторону.

Именно Лена разрядила обстановку. Она не могла долго выносить эту гнетущую тишину.

– Ой, смотрите, какая букашка! – вдруг воскликнула она, приседая у коряги. – Паш, это не твой усач?

Это была самая обычная божья коровка. Но её маневр сбавотал. Я тоже присел, делая вид, что изучаю.

– Нет, это семи точечная коровка. Мой усач в десять раз больше.

– Хвастаешься, – фыркнула она, и мы оба рассмеялись. Лед тронулся.

И тут Виктор, решив, видимо, вернуть лидерство, рявкнул:

– Хватит козявок разглядывать! Идите уже, а то шоколад эти «Геологи» без нас съедят!

Лена встала, отряхнула руки и, проходя мимо Виктора, бросила с безобидной улыбкой:

– Витя, если будешь так нервничать, мы не «Геологов»

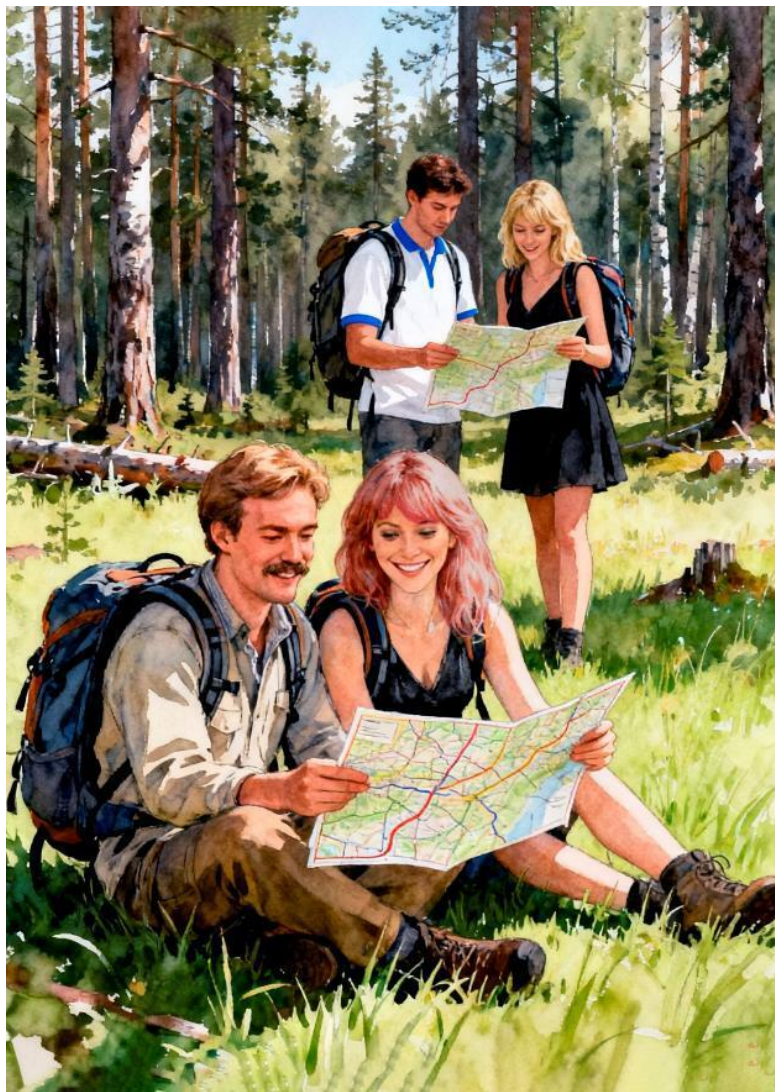
обойдём, а сами с пути сойдём. Лучше песню спой, чтобы веселее было.

Он опешил. Катя ехидно ухмыльнулась. А я смотрел на Лену и понимал, что её сила – не в грубой конфронтации, а в этой удивительной способности обезоруживать. Она была как вода – мягкая, но точащая камень.

Мы нашли первый пункт, закреплённый на старой сосне. Задание было на смекалку: «Что принадлежит вам, но другие используют его чаще, чем вы?» Виктор начал перебирать: «Одежда? Имя?»

– Имя – нет, – задумчиво сказала Катя. – Его в основном вы сами используете.

– Репутация, – мрачно пошутил Виктор.

– Нет, – тихо сказала Лена. Она смотрела не на нас, а куда-то вдаль. – Ответ – «ваше имя». Другие ведь действительно говорят его чаще, обращаясь к вам.

Тишина. Она была права. Просто и гениально. Я с восхищением смотрел на неё, а она, поймав мой взгляд, лишь подмигнула.

Второй пункт мы искали уже как настоящая команда. Я вёл по карте, Лена подсказывала ориентиры, Катя сверяла легенду, а даже Виктор включился в поиски. Мы бежали наперегонки, спотыкались о корни, смеялись, обгоняя друг друга. В какой-то момент, перепрыгивая через ручей, я отстал, чтобы помочь Кате, а когда догнал группу, увидел, что Лена и Виктор о чём-то оживлённо спорят. Но это был уже не враждебный спор, а азартный, про маршрут.

– Молодец, – сказал я ей, когда мы поравнялись.

– Что? – удивилась она.

– Со всеми лад находишь. Даже с ним.

– А с тобой не надо искать, – улыбнулась она в ответ. – С тобой и так всё ясно.

Мы пришли к финишу вторыми, пропустив вперёд «Геологов», но не испытывая никакого разочарования. Мы были грязные, уставшие, но какие-то невероятно «свои». Виктор,

принимая из рук Юрия Ивановича почётную грамоту и коробку с шоколадом, вдруг сказал:

– Это заслуга всей команды. Особенно – наших картографов.

И он кивнул нам со Леной. Это было почти что признание.

Вечером, когда мы вшестером – я, Лена, Ира, Маша, Виталик и, к нашему удивлению, Виктор – делили шоколад у костра, Лена тихо сказала мне на ухо:

– Сегодня было здорово. Мы как будто свою маленькую страну открыли. Со своими законами.

– Согласен, – кивнул я. – И самое главное в ней – это ты. Моя путеводная звезда. Без компаса.

Она рассмеялась, и её смех потонул в общем гуле. Но для меня он звучал громче всего. Мы прошли первое испытание не как влюблённые, бегущие от мира, а как союзники, способные этот мир покорять. И я почувствовал, как наша любовь из лёгкого, почти невесомого чувства, начинает тяжелесть, наполняясь доверием, уважением и той самой силой, что помогает прыгать через ручьи и разгадывать любые загадки.

Язык стрекоз

После вчерашней беготни и азарта «Дня без границ» наступило утро, наполненное ленивой, золотой тишиной. Большинство обитателей лагеря отсыпались после насыщенного дня, и лишь горстка самых упорных, включая меня, копошилась у полевой лаборатории – столика под брезентовым навесом, заваленного микроскопами, пробирками и коробками с коллекциями.

Я был поглощён редкой удачей – накануне, пока команды сражались за шоколад, мне посчастливилось найти в старом валежнике великолепного жука-усача, редкий экземпляр *Розалии альпийской*. Он был мёртв, но прекрасно сохранился: удлинённое, изящное тело небесно-серого цвета с угольно-чёрными бархатными пятнами. Настоящая драгоценность в моей коллекции.

Я готовился к священнодействию – препарированию, чтобы зафиксировать насекомое для вечного хранения. Разложил на столе пинцет, тонкие иглы, монтажную пластину. И тут почувствовал знакомое, лёгкое присутствие за спиной.

– Опять своё сокровище нашёл? – прозвучал тихий голос Лены.

Я обернулся. Она стояла, заложив руки за спину, и с любопытством разглядывала жука. На ней было то самое простое парусиновое платье, а в рыжих волосах запутались сол-

нечные зайчики.

– *Розалия альпийская*, – с гордостью произнёс я, отодвигаясь, чтобы она могла видеть лучше. – Красавец, правда?

– Красавец, – согласилась она, но смотрела не на жука, а на мои руки. – И что теперь с ним будет?

– Нужно аккуратно расправить лапки и усики, приколоть к пластине. Чтобы он предстал во всей красе, как на рисунке в энциклопедии.

– Это сложно?

– Нужна сноровка. И очень терпеливые пальцы.

В её глазах вспыхнул тот самый, знакомый мне по поляне с земляникой, озорной огонёк.

– Научи меня.

Это была не просьба, а мягкий, но безоговорочный вызов. Вызов доверить ей частичку своего мира, такого странного и непонятного для посторонних.

Я уступил ей своё место за столом, встал сзади, чтобы направлять её движения. Объяснил, как держать пинцет, как поддеть нежные сочленения лапок, чтобы не отломить.

– Вот так, – я взял её руку в свою, и её пальцы, такие уверенные обычно, сейчас были удивительно податливыми и нерешительными. – Медленнее. Он не убежит.

Она старалась. Высунула кончик языка от усердия, смотрела на жука с таким сосредоточенным вниманием, будто от этого зависела судьба мира. Её первые движения были неуклюжими, она чуть не оторвала лапку, и я почувствовал, как

она вся напряглась.

– Ничего страшного, – успокоил я её, и моё дыхание, должно быть, коснулось её щеки, потому что она вздрогнула. – Все с этого начинали. Представь, что это не жук, а... хрупкая брошь. Её нужно поправить, не сломав.

Она кивнула и снова погрузилась в работу. И постепенно, её движения стали увереннее. Она ловко поддела иглой усик, и он легонько щёлкнул, распрямляясь.

– Получилось! – она воскликнула с таким детским восторгом, что у меня ёкнуло сердце.

– Получилось, – улыбнулся я. – Видишь, ты прирождённый энтомолог.

Мы закончили работу. Жук, расправленный и закреплённый на пластине, и впрямь стал похож на ювелирное изделие. Лена отложила пинцет, вытерла руки о платье и посмотрела на меня задумчиво.

– Знаешь, Паш, я тут подумала... Ты очень на него похож.
На своего усача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.